

В.Б. Двораковский
музеевед, г. Москва

Судьба могилы графа А.И. Остермана-Толстого

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
А.С. Пушкин

Род российских Остерманов просуществовал 280 лет. Начало ему положил самый известный из всех Остерманов — вице-канцлер послепетровской эпохи граф Андрей Иванович. Бездетные браки его потомков дважды могли прервать мужскую ветвь Остерманов. Но всякий раз фамилия переходила к другим родам. Так появляется граф Остерман-Толстой, затем князя Голицыны графы Остерманы. В XX в. князь Мстислав Александрович Голицын граф Остерман, имевший единственную дочь, стал последним носителем знаменитой графской фамилии.

Александр Иванович
Остерман-Толстой

Александр Иванович Остерман-Толстой (1770/72 – 1857) происходит из незнатной небогатой семьи Толстых, имеющей, однако, древние корни. Он с юного возраста посвятил себя военной службе, но в 1796 г. его жизнь кардинально изменилась. Родственники Александра Толстого — братья его бабки графы Федор и Иван Остерманы — передали ему графский титул, фамилию и наследственные права.

Полководческие дарования Остермана-Толстого особенно ярко проявились во время Наполеоновских войн. За Кульмское сражение (1813), где ему ядром повредило руку, он был награжден орденом св.

Георгия 2-й степени. В 1817 г. Александр Иванович получает чин генерала от инфантерии, но вскоре уходит в отставку. С 1830-х гг. он практически постоянно живет за границей. Насколько Остерман-Толстой боготворил императора Александра Павловича, настолько не любил Николая I — прежде всего, за последствия декабрьского выступления на Сенатской площади, когда одного из племянников графа сослали в Сибирь. Именно его, князя Валериана Михайловича Голицына, Остерман-Толстой хотел видеть своим наследником, так как в официальном браке с Елизаветой Алексеевной Голицыной детей у графа не было. Но 21-летний Валериан был осужден и лишен княжеского титула, что расстроило планы Остермана-Толстого. Только в 1863 г., после смерти Остермана-Толстого, титул, фамилия и майорат Остерманов перешли к сыну Валериана — Мстиславу, который стал именоваться князем Голицыным графом Остерманом.

Граф А.И. Остерман-Толстой с 1837 г. жил в Пти-Саконне, тогдашнем пригороде Женевы. Там он провел последние 20 лет жизни и был похоронен в 1857 г.

В апреле 1857 г. в «Journal de Genève» появился очерк, посвященный Остерману-Толстому. Помимо биографических сведений здесь говорится о нескольких предсмертных днях и описаны похороны графа: *«В начале февраля он очень тяжело заболел. Надеялись, что сильное сложение его перенесет болезнь, но скоро проявились симптомы угрожающего свойства. Три дня спустя он скончался на руках дочери и зятя, окруженный внуками. [...]14 февраля 1857 г. в то время как на церковной башне Пти-Саконне колокол бил два часа пополудни, в ворота скромного местного кладбища въехала траурная колесница с гробом, украшенным двумя лавровыми венками. Гробу предшествовали священник Русской церкви с двумя церковнослужителями; раздавалось тихое надгробное пение, и курился кадильный фимиам. За гробом шли все русские высшего круга, проживавшие в Женеве, несколько друзей покойного и его семья, а также почти все жители местечка, привлеченные необыкновенным для них зрелищем. Присутствующие*

были проникнуты чувством глубокого благоговения и какой-то таинственности: то были похороны человека необыкновенного, одного из славных воинов нашей эпохи, храброго солдата, который проливал кровь, защищая Отечество и которому пришлось окончить жизнь далеко от родины, на чужбине».

Недавно обнаруженные материалы женеvских и московских архивов значительно дополнили сведения о швейцарском периоде жизни Остермана-Толстого. Стало известно, например, что одну из его дочерей звали Катин, и что остаток жизни граф провел в ее семье.

Внук поэта Федора Тютчева, Николай Иванович, оставил записку, относящуюся к 1920-м гг., в которой говорится: *«...В Женеве в настоящее время живут внуки и правнуки Остермана-Толстого. Дело в том, что Остерман-Толстой, живя за границей, был в связи с итальянкой, графиней Лепри, от которой имел трех детей: сына и двух дочерей. После смерти своей жены он вступил в брак с графиней Лепри, но этот брак не был признан в России, так как был совершен по католическому обряду, т. о. дети его и Лепри оказались, по тогдашним русским законам, внебрачными, почему и получили фамилию Остерфельд. Сын Остермана-Толстого, Николай Остерфельд, умер в юности, а из двух дочерей — одна вышла замуж за женеvского гражданина де Бюде (de Vidé), а другая — за женеvского гражданина де Шандо (de Chandeau). Дети их и внуки живут в Женеве и других местах Швейцарии».*

Н.И. Тютчев пытался найти могилу графа на кладбище Пти-Саконне, но безуспешно. Старожилы говорили ему, что могила не сохранилась, возможно, потому, что за ней никто не ухаживал и не вносил установленной платы.

В государственном архиве Женевы обнаружился акт о смерти Остермана-Толстого. *«№ 5. Остерман-Толстой Александр. Возраст — 85 лет. Год тысяча восемьсот пятьдесят седьмой, в одиннадцатый день месяца февраля, в пять часов утра скончался в Пти-Саконне Александр Остерман-Толстой, генерал и граф, в возрасте восьмидесяти пяти лет, рантье, родившийся в Санкт-Петербурге (Россия), проживавший в Пти-Саконне, сын умерших Ивана*

Толстого и Агриппины Бибиковой, его жены. В удостоверение чего мы, нижеподписавшиеся — мэр и занимающий должность регистратора гражданского состояния коммуны Пти-Саконне в кантоне Женевы, составили настоящий акт по заявлению Жозефа-Гиасинта Виоллье, пастора указанной коммуны возрастом сорока одного года, и Шарля-Констана Дюбуля, землевладельца, возрастом тридцати лет, проживающих в Пти-Саконне, которые и подписали настоящий акт вместе с нами, после чего он был дан им для прочтения. Составлено в мэрии в двенадцатый день месяца февраля тысяча восемьсот пятьдесят седьмого года в одиннадцать часов утра».

Этот же архив сообщил, что «граф Остерман-Толстой не оставил завещания, известного в Женеве, так как никакого подобного акта не было засвидетельствовано компетентными органами власти. В книге записей, исходящей из Управления регистрации, имеется следующий документ: «Я, нижеподписавшийся, заявляю, что граф Остерман-Толстой ничего не оставил в кантоне Женеве. Женеве, 3 августа 1857 года. Подписано: Шарль де Бюде».

Другой архив — Женевский муниципальный — уточнил, что Остерман-Толстой был похоронен в могиле № 421, но та нумерация участков, которая существовала в середине XIX в., как следует из документов, никак не соответствует нынешней структуре кладбища. Оно было перепланировано в 1878 г., тогда могилы получили другие номера, а поскольку в архиве не нашлось списка соответствия между новыми и старыми номерами, то выяснить точное место захоронения графа на кладбище Пти-Саконне сегодня, увы, не представляется возможным. Помимо этого, кладбище дважды расширялось — в 1932 и 1942 гг.

Из книги по истории Пти-Саконне (*Notice historique sur le Petit-Sacconnex. Genève. 1907*) мы узнаем, что русского генерала в Женеве помнили и чтили. «Генерал Остерман, один из героев московской военной кампании 1812 года, умер в Пти-Саконне (в местечке Жорж). Его единственный сын Николай похоронен на коммунальном кладбище», — говорится на ее страницах. Здесь перечислены имена знаменитых людей, которые в разное время проживали в

Пти-Саконне. Остерман-Толстой значится в ряду с Наполеоном Бонапартом, императрицей Жозефиной, Вольтером, Байроном и Вагнером. Авторы выражают уверенность, что *«муниципальные власти, называя новые улицы, будут использовать имена этих известных жителей, чтобы мы о них помнили»*.

Частичкой этой памяти, казалось бы, должна быть могила Остермана-Толстого, которой не существовало, судя по записке Н.И. Тютчева, уже в начале XX в. Однако сегодня мы не только не можем увидеть могилу Остермана-Толстого в Женеве, но даже не можем определить место, где она некогда находилась. Почему могила исчезла, неужели причина только в том, что за ней никто не ухаживал?

Женевский муниципальный архив ответил и на этот вопрос. Факты, изложенные в документах, оказались удивительными и неожиданными. Они говорят об эксгумации тела Остермана-Толстого! Упоминаний об этом нет ни у одного из российских историков, исследователей или биографов. Речь идет о неизвестном ранее протоколе об эксгумации и о «повседневных записках» мэра Пти-Саконне Гийома Прево.

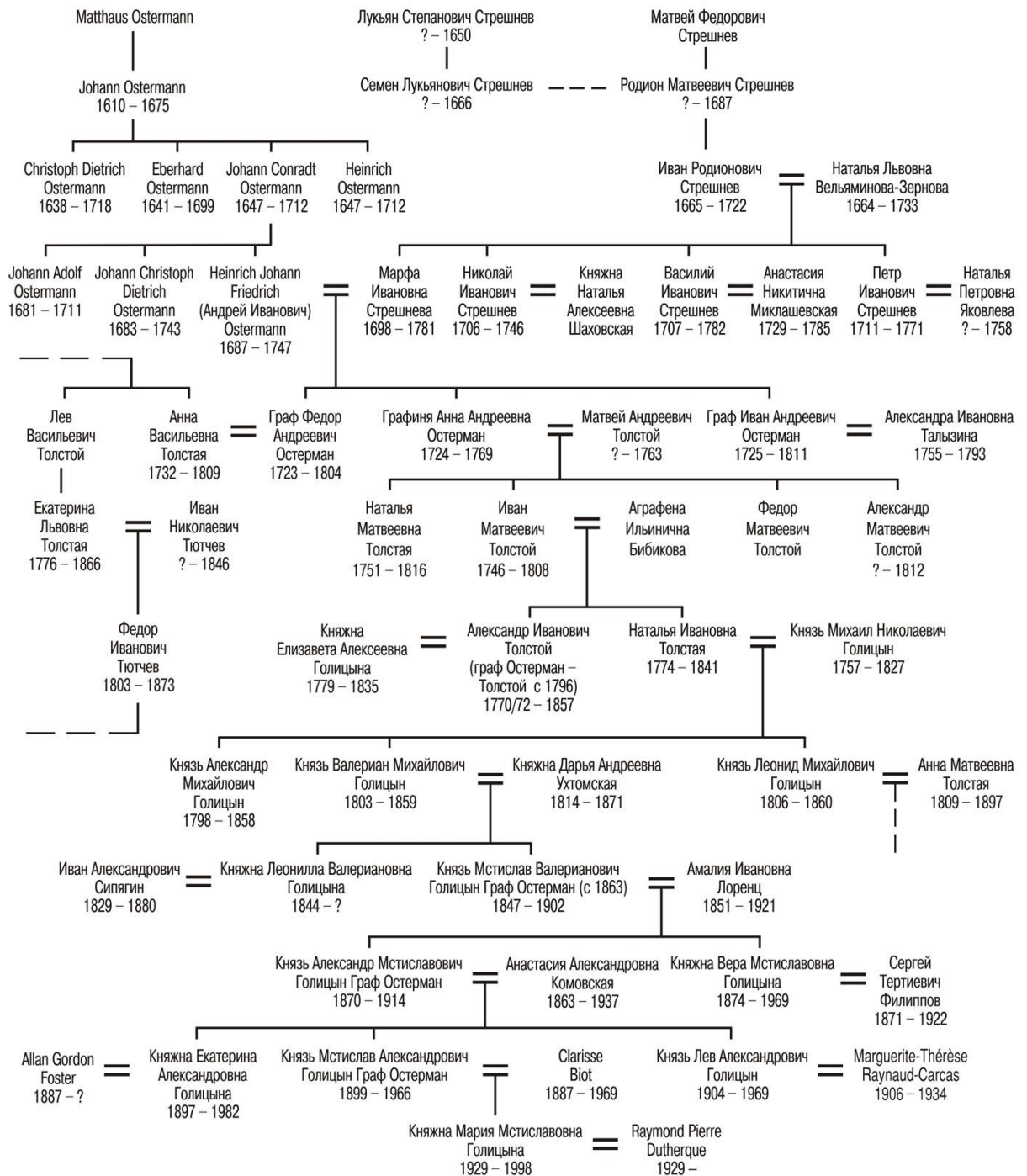
Выяснилось, что мэр Прево впервые услышал о предполагаемой «акции» из газет. В «Ревю де Женев» от 19 апреля 1857 г. он прочитал, что запрос об эксгумации тела графа исходит не от кого-нибудь, а от русского правительства, которое просило *«разрешения перенести в Польшу тело Остермана-Толстого, умершего недавно в Женеве»*. Не дожидаясь получения официальных бумаг, мэр сразу дает распоряжения о предстоящей процедуре: о необходимости составления протокола, о действиях врачей, о подготовке нового гроба, об обязательном присутствии зятя Остермана-Толстого — Шарля Виктора Родольфа де Бюде, о приглашении на церемонию священника «из греческого поселения». *«Упоминание об этом в протоколе, — пишет г-н Прево, — вероятно, будет приятно русскому правительству и русской семье»*.

30 мая Шарлю де Бюде выдается разрешение *«приступить к эксгумации гроба, содержащего тело г-на генерала графа Остермана-Толстого. Г-н*

де Бюде, имея все необходимые документы, произведет транспортировку указанного гроба в Россию, в Рязанскую губернию».

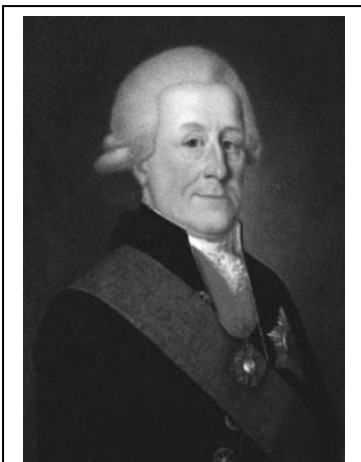
В тот же день могила была вскрыта. Протокол гласил: «Год тысяча восемьсот пятьдесят седьмой, тридцатое мая, восемь часов утра. Вследствие передачи полномочий господина директора Центральной полиции, в соответствии с разрешением, выданным сего дня господином мэром коммуны Пти-Саконне господину Шарлю Виктору Родольфу де Бюде для производства эксгумации тела господина графа Остермана-Толстого, родившегося в Санкт-Петербурге в 1772, умершего в вышеназванном Пти-Саконне 11 февраля сего года, похороненного 14 указанного месяца на кладбище означенной Коммуны, мы, Франсуа Димье, комиссар полиции второго округа Женевской республики и кантонов, в сопровождении судебного исполнителя Дешеврена и господ докторов Майора и Пелисье, прибыли на кладбище Пти-Саконне, где по прибытии встретили господ Исаака Бланшара и Жана Жойе, могильщиков означенного кладбища, кои, уведомленные о цели нашего приезда, заявили нам, что тело графа Остермана-Толстого покоится в могиле № 421, в восточной части кладбища. Приступив по нашему указанию к эксгумации тела, покоящегося в указанной могиле, господа Бланшар и Жойе подняли с глубины шести футов ниже уровня почвы дубовый гроб, с крышкой, запертой на задвижки. Они поклялись в присутствии господ Шарля Виктора Родольфа де Бюде — помещика, Жана Огюста Вайсса-Хааса — учредителя, Афанасия Петрова — священника дипломатической миссии России в Швейцарии и Гийома Прево Кайла, что в гробе действительно покоится тело вышеназванного графа Остермана-Толстого. Гроб был осмотрен господами, нас сопровождавшими, и после заверения, что от него не исходит никаких вредных испарений, мы его опечатали сургучом и вручили господину де Бюде для дальнейшей, согласно его прошения и обещания, транспортировки с покоящимся в нем телом в Рязанскую губернию в Россию».

Генеалогическая схема некоторых представителей дворянских родов Стрешневых, Остерманов, Голицыных и Тютчевых

По окончании процедуры Шарль де Бюде в присутствии мэра Пти-Саконне вручил учредителю Жану Огюсту Вайсс-Хаасу и бывшему камердинеру Остермана-Толстого Пьеру Мари Гавару мандат *«на сопровождение гроба до Варшавы и передачи оногo его сиятельству князю Александру Голицыну [1] для дальнейшей транспортировки гроба в российский город Рязань»*.

Но почему именно в Рязань?

Федор Андреевич
Остерман

В Сапожковском районе есть два села, принадлежавших когда-то графскому роду Остерманов. Известно, что еще император Петр I пожаловал их Андрею Ивановичу Остерману. Село Красный Угол считалось майоратным: его наследовал только старший сын в роду. От Андрея Ивановича село перешло к Федору Андреевичу Остерману (1723 – 1804).

Марфа Ивановна
Остерман

Однако владельцам больше нравилось село Красное. Оно располагалось на несколько верст ближе к уездному городу, рядом протекала речка, да и по размерам и числу жителей всегда было крупнее Красного Угла. Потому, прежде всего в Красном Федор Остерман затевает строительство каменной церкви, которая была освящена в 1761 г. во имя Пресвятой Троицы. Первое захоронение в склепе при церкви появилось через двадцать лет, когда умерла Марфа Ивановна, мать Федора. В трапезной

части храма освятили престол во имя святителя Андрея, архиепископа Критского, и преподобной Марфы — в память о родителях Федора Андреевича.

Видимо, именно в то время в склепе Троицкого храма решили устроить родовую усыпальницу. С тех пор село Красное становится заповедным

имением Остерманов. Его ни при каких обстоятельствах нельзя было ни продать, ни заложить. Оно навсегда закреплялось за этим графским родом.

Иван Андреевич
Остерман

В 1804 г. здесь похоронили Федора Остермана, в 1811 — его брата, канцлера Ивана Остермана, а в 1902 — князя Мстислава Валериановича Голицына графа Остермана. Известно также, что Александр Иванович Остерман-Толстой захоронил в усыпальнице свою руку, ампутированную во время боя при Кульме. Писатель И.И. Лажечников, хорошо знавший Остермана-Толстого (он был его адъютантом, затем управляющим имением в Ильинском под Москвой), был свидетелем этого

события: *«Когда я приехал с ним в 1818 году в его Сапожковское имение, село Красное, он куда-то пошел с священником и запретил мне сопровождать его. Впоследствии я узнал от того же священника, что он зарыл руку в фамильном склепе своих дядей, графов Остерманов, в ногах у гробниц их, как дань благодарности за их благодеяния и свидетельство, что он не уронил наследованного от них имени».*

Логично предположить, что Остерман-Толстой хотел и сам быть похороненным рядом с предками. И мы можем смело уточнить — путь траурного поезда с телом графа лежал через Варшаву, Рязань и Сапожок в село Красное.

Проследить этот путь по документам женеvских архивов удалось только до Баварии. Исследования, проведенные в Москве и Рязани, не дали, к сожалению, ожидаемых результатов. Материалы Государственного архива Рязанской области не содержат ни намека на перезахоронение Остермана-Толстого. В местных газетах того времени тоже ни слова. В чем же причина такого замалчивания?

А причины были! Остерман-Толстой в глазах современников оставался героем, а в глазах государственных чиновников был изгоем.

Остерман-Толстой уехал за границу в 1826 г. В России он появлялся лишь изредка и ненадолго. Он даже не явился на коронацию Николая I, где обязан был присутствовать по званию генерал-адъютанта, и вместо этого отправился в Италию [2]. Разумеется, последствия такого неслыханного по тем временам поступка *«должны были несколько неблагоприятно отразиться на высшие отношения к нему»*.

Александр Иванович все же приехал в 1828 г. представиться императору Николаю Павловичу и предложил свои услуги на время Турецкой кампании; его просьба была отклонена, и он получает разрешение ехать за границу. Александр Иванович решил тогда, что он сполна выполнил свой долг перед отечеством как русский и как солдат, и стал считать себя свободным от обязательств перед Николаем I.

Вскоре Остерман-Толстой смог реализовать свои полководческие амбиции. В египетско-турецком конфликте 1831-1833 гг. Александр Иванович принял сторону Египта и по собственной воле стал военным советником Ибрагима-паши, *«которого он именно, по общему убеждению, и руководил в победах его над султанскими полководцами»*. Однако Россия в этом военном кризисе поддержала Турцию. Получается, что отставной русский генерал помогал противнику России, — воистину *«свободен от обязательств»!*

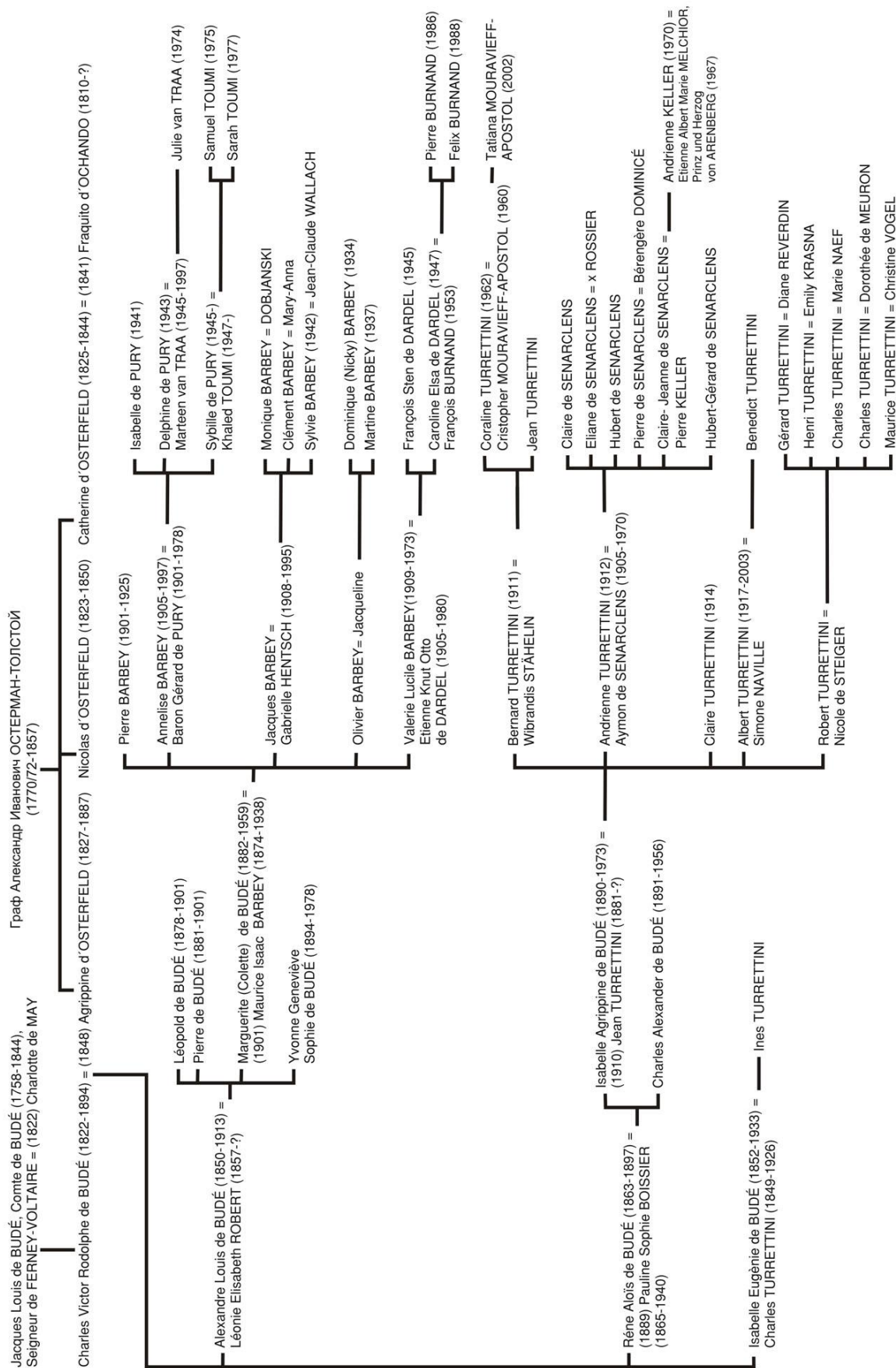
Надо отметить, что император, не оставляя попыток примириться с графом, пригласил его в 1835 г. на празднование годовщины Кульмской битвы в Теплиц (Богемия), где австрийский император, прусский король и Николай I участвовали в закладке мемориала русским воинам. На этом торжестве планировалось *«возложить»* на генерала орден св. Андрея Первозванного. Остерман-Толстой и на этот раз отказался от приглашения. Несмотря на *«странность подобного поступка»*, государь выслал награду в Женеву, сопроводив посылку рескриптом, в котором говорилось: *«Желая в сей торжественный день почтить в лице вашем всех храбрых воинов русской*

армии, которые подвигами непоколебимого мужества увенчали геройскую решимость вашу столь блистательным успехом, мы всемилостивейше жалуем вас кавалером ордена св. Андрея Первозванного, знаки коего при сем препровождая, пребываем к вам навсегда благосклонны». Петр Вяземский назвал действия Николая I «благородным отмщением за выходку довольно неприличную» со стороны графа.

Кажется вполне вероятным, что Остерман-Толстой мог расценить приглашение в Кульм для получения ордена как попытку хитростью *выманить* его из Женевы. Надо сказать, что опасения у графа были не беспочвенны! Ведь год назад вышел указ об ограничении пребывания за границей, что узурпировало право, данное дворянству еще Петром III в манифесте «о вольности дворянской». В указе от 17 апреля 1834 г. говорилось: *«Многие лица остаются неопределенное время за границей и тем дозволенную отлучку произвольно превращают в переселение. Последствием сего есть расстройство их имуществ, расточение доходов вне государства, обременение долгами их наследств, отчуждение от родственных и отечественных союзов. Поэтому постановляется срок пребывания за границей с узаконенным паспортом: для дворян 5-летний, для всех прочих состояний 3-летний. Кто же останется дольше этого за границей, будет считаться безвестно отсутствующим»*. Без высочайшего «соизволения» было запрещено находиться за границей, отказ на требование вернуться рассматривался как государственное преступление, а нарушитель терял право распоряжаться своим имуществом.

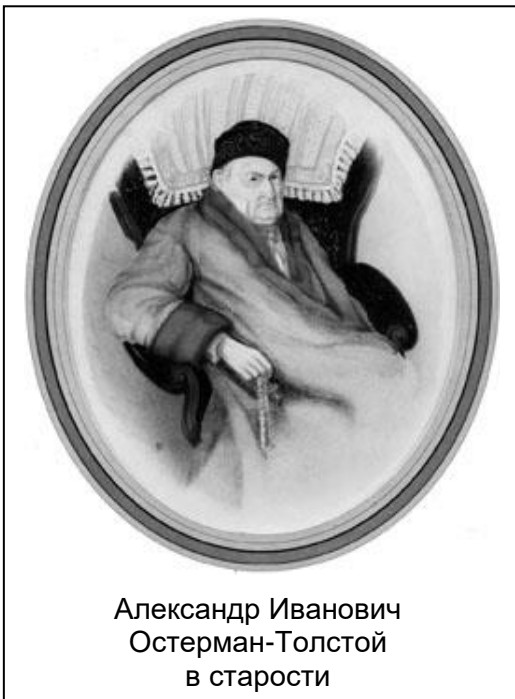
Остерман-Толстой определенно не хотел встречаться с Николаем Павловичем. Нельзя сказать, что он чего-то боялся — храбрости ему было не занимать! Но вероятность, что он, оказавшись в России, слишком долго не увидит своих детей, была очень велика!

La généalogie des familles Osterfeld, Budé, Turrettini, Barbey et les autres

Александр Иванович по-своему отреагировал на указ 1834 г. Через доверенных лиц он торопится продать свое недвижимое имущество. В противном случае оно отошло бы к родственникам по линии жены или переходило государству. В конце 1834 г. он продал московский дворец, в 1837 г. — дом в Петербурге, а почти всеми его непроданными имениями стали управлять племянники — князя Голицыны.

Создается впечатление, что Остерман-Толстой всем своим поведением сознательно ставил себя вне закона. Он явно не хотел обращать внимания на

Александр Иванович
Остерман-Толстой
в старости

новые правила, устанавливаемые Николаем I. Единственным человеком, распоряжения которого он беспрекословно выполнял бы, оставался прежний, к сожалению, уже покойный государь Александр I.

Петр Вяземский, видевший Остермана-Толстого в те годы в Женеве, свидетельствует: *«Память его, можно сказать, остановилась на исторической странице, которую замыкает царствование императора Александра Павловича, далее не шла она, как*

остановившиеся часы. Новейшие русские события не возбуждали внимания его. Он о них и не говорил и не расспрашивал. Он просто в отношении к России заживо замер и похоронил себя в дне 19 ноября 1825 года» [3].

Остерман-Толстой не вспоминал о России, и Россия о нем тоже молчала. Он же был *«безвестно отсутствующим»!* Зато для Женевы он существовал вполне реально — граф каждые полгода продлевал вид на жительство.

Его смерть в 1857 г. мало, что изменила в политике замалчивания. Перевозка тела оставалась в поле зрения только дипломатов и родственников. Из последних Валериан Михайлович Голицын, сосланный по делу декабристов,

за год до смерти графа был реабилитирован по указу нового императора Александра II. Племянник Остермана-Толстого стал заниматься наследством и вступил в переписку с зятем графа Шарлем де Бюде. В письме от 24 июля 1957 г., направленном из Москвы в Женеву, Голицын извиняется перед де Бюде: «...Сегодня, по прибытии в этот город [речь идет о Москве] имел честь получить Ваше письмо от 12 июля, и спешу Вам объяснить причину задержки с ответом. Был постоянно занят хлопотами в связи с прибытием тела дядюшки и оформлением наследства». Интересно, что стоит за словами «занят хлопотами в связи с прибытием тела дядюшки»? И откуда Валериан Михайлович приехал в Москву? Неужели из имения в Красном?

Троицкая церковь в селе Красном

Только в одной книге, изданной в 1900 г., где-то в постраничном примечании в связи с захоронением руки Остермана-Толстого, мы можем прочесть, что после смерти Александра Ивановича его рука «положена с ним в могилу в церкви того же села» [4].

Сегодня Троицкий храм в селе Красном жив и реставрируется. Усыпальница Остерманов тоже существует, хотя и была разорена одновременно с церковью после революции 1917 г. Места захоронений нетрудно различить по очертаниям пяти кирпичных сводов, присыпанных землей. И мы теперь можем смело сказать, что в пятой, ранее безымянной могиле, покоятся останки героя Отечественной войны 1812 года генерала от инфантерии графа Александра Ивановича Остермана-Толстого!

Село Красное является интереснейшим объектом культуры, имеющим историческое и мемориальное значение. Такие места дороги нам — это хранилища нашей памяти, нашей истории. Потомки вправе чувствовать «любовь к отеческим гробам», вправе видеть ухоженной и обустроенной усыпальницу Остерманов, вправе иметь место, куда можно прийти, вспомнить

и поклониться тем, кто созидал на этой земле, строил храмы, защищал свою Родину или просто любил свой дом и это село.

Примечания.

Автор благодарен московским коллегам Татьяне Седовой, Марине Груздевой и Александру Токареву за помощь в подготовке материалов статьи. Особо хочется отметить доброе и отзывчивое отношение женевских архивариусов Жака Бареля, Мюриэл Шарьер, Жака Давьера, Жюльена Шатийон-Фоше, а также сотрудницы мэрии Гран-Саконне Элизабеты Этно, помогавших автору в 2003-2006 гг. в сборе материалов.

1. Князь Александр Михайлович Голицын (1798 – 1858) — племянник Остермана-Толстого, почт-директор в Царстве Польском. В 1835 г. после кончины Елизаветы Алексеевны, супруги Остермана-Толстого, граф назначил его управляющим всем своим имуществом, оставшемся в России. Правда, в этой роли Голицын находился очень недолго.

2. Остерман-Толстой стремился туда к своей новой семье: в Париже в 1823 г. родился Николай, в 1825 г. в Пизе — Катрин, а чуть позднее в 1827 г. во Флоренции — Агриппина.

3. День смерти императора Александра I.

4. Степанов М.П. Село Ильинское.— Москва.— 1900.— Ч. I.— С. 157.